

Россия и постсоветское пространство. В чем заключаются проблемы интеграции стран бывшего Советского Союза?

Вартан Григорян – канд. филол. наук.
Сурен Григорян – Выпускник Лондонской
Школы Экономики и Политических Наук.
Магистр политических наук (MSc).

Институт Арменоведческих Исследований ЕГУ

Прочно утвердившееся в новейшем политическом лексиконе словосочетание “постсоветское пространство” остается вместе с тем достаточно неопределенным.

Сложности возникают уже при попытке установления границ данного “пространства”, т.е. на фактологическом, а именно – историко-географическом уровне.

Прежде всего, непонятным представляется то обстоятельство, на каком основании исследователи постсоветской проблематики единодушно отказываются включать в искомое “пространство” страны Балтии, около 300 лет (за исключением периода 1918-1940г.г.) входящие в состав сначала Российской, а затем и советской империй. Особо следует при этом отметить, что заложили эту “традицию” и продолжают ее развивать, как это ни странно, именно российские авторы.

Тем самым “постсоветское пространство” сужается до границ СНГ, и подобный подход несомненно, должен иметь веские основания. Логично было бы объяснить его приверженностью реальной политике, иными словами, признанием за Содружеством некой функциональности, отвечающей геополитическим, экономическим, оборонным, культурным интересам входящих в эту структуру государств.

Однако парадокс заключается в том, что указанными функциями Содружество не обладает сегодня и даже не было наделено изначально¹. К вопросу функциональности мы еще вернемся, пока же заметим: предположение, что именно функциональные аспекты межгосударственной (а временами она декларировалась как надгосударственная) интеграции в формате СНГ привлекли в свое время одиннадцать бывших союзных республик (не считая России) и, соответственно, были отвергнуты тремя республиками прибалтийскими в силу неких высших национальных интересов, не выдерживают критики.

СНГ было и остается сугубо декларативным, аморфным и нефункциональным образованием. Прямым подтверждением данному выводу является позднее высказывание В.Путина о том, что СНГ создавалось как

¹ Высказывания Александра Храмчихина, эксперта российского института военного анализа, и Александра Собянина, руководителя Ассоциации приграничного сотрудничества, из статьи Светланы Гамовой и Виктории Панфиловой “Недружественные маневры”, Апрель 23, 2009, Stable URL: <http://www.ng.ru/23/04/2009/> (accessed May 29, 2009).

инструмент цивилизованного развода, причем, заметим, инициатором “развода” была сама Россия. И она же, смеем утверждать, была изначально заинтересована в том, чтобы Содружество было нефункциональным, - следовательно, несамостоятельным и во многом зависимым от крупнейшей, единственной на то время в экономическом и военно-политическом плане самодостаточной страны – России.

Причины хорошо известны: СНГ позволяло России в полной мере реализовать свои геополитические амбиции в пределах границ развалившегося СССР (повторяем: за исключением стран Балтии), и одновременно избежать перспективы вновь взвалить на себя бремя ответственности за развитие экономики, обеспечение обороноспособности, социальной сферы, медицинского обслуживания, культуры, образования бывших “национальных окраин” Советской империи.

Вместе с тем, добровольный характер членства постсоветских государств в Содружестве позволял России отрицать актуальные и очень неприятные для нее с точки зрения ее международного имиджа обвинения в стремлении проводить постимперскую (и тем более неоимперскую) политику в отношении остальных членов Содружества.

На самом деле таковая проводилась уже с начала 90-х, однако Россия свои политические, экономические, военные, энергетические рычаги, позволяющие ей удерживать в сфере своего влияния членов Содружества, использовала на сугубо двусторонней основе и крайне избирательно, используя фасад СНГ лишь для прикрытия своих стратегических устремлений.

Таким образом, СНГ действительно создавалось как “инструмент”, но не цивилизованного развода, а именно реализации геополитических замыслов России. Изначально (1992) никто и не подходил к этому вопросу столь деликатно: просто не хотели иметь дело с Москвой. Однако большинство бывших союзных республик вполне устраивала подобная сделка. Почти все они (исключая Туркменистан и Азербайджан) остро нуждались в российских энергоносителях, поставляемых по ценам намного ниже мировых; для всех (пожалуй, кроме Беларуси) Россия являлась необъятным рынком рабочей силы; все без исключения были крайне заинтересованы в политической поддержке, которую оказывала на международном уровне Россия правящим в молодых республиках режимам; некоторые страны, особенно Армения и Таджикистан, в вопросах обороны от внешней агрессии надеялись исключительно на Россию; без ее активной помощи государства Центральной Азии не смогли бы на протяжении двух десятилетий противостоять исламскому радикализму, и т.д.

Однако, повторяем, Россия реализовывала свою политику на постсоветском пространстве главным образом на основе двусторонних договоров, а не в формате СНГ.

Не случайно уже с конца 90-х члены Содружества обнаружили стремление к созданию на постсоветском пространстве более локальных, но вместе с тем, как ожидалось, более дееспособных оборонных и экономических интеграционных структур (например, ОДКБ, Таможенный союз), причем не обязательно с участием России (ГУУАМ). Впрочем, все они, кроме, возможно, ОДКБ, остаются пока на бумаге.

Вернемся, однако, к Содружеству: от его членов до поры до времени Россия требовала политической лояльности и отказа от стратегического партнерства с

прочими центрами силы, в первую очередь с Западом. Тем более, что согласно ряду исследований (Александров, Олкотт, Наумкин, Скаков) США и Европейские державы на самом деле признавали геополитические приоритеты России на постсоветском пространстве вплоть до начала 21-го века.^{2,3,4,5} “Правила игры”, по утверждению И. Панарина⁶, якобы были нарушены Западом в одностороннем порядке в 2003-2004г.г., когда при его прямой поддержке произошли “цветные революции” сначала в Грузии, а затем в Украине, в результате чего к власти в этих государствах пришли антироссийски настроенные лидеры.

На наш взгляд, этот подход скорее пропагандистский, нежели научный, поскольку не объясняет ровным счетом ничего.

На самом деле политика конфронтации с Россией, которую с определенного момента проводят Украина и Грузия, а до них проводили Азербайджан и отчасти Молдова, обусловлена серьезными причинами как внутреннего, так и внешнего порядка. Для Грузии, Азербайджана и Молдовы таковыми были и остаются неразрешенные межэтнические конфликты, в которых Россия откровенно выступает за сохранение сложившегося статус-кво. Что конечно, диктуется ее интересами, и перспектив для пересмотра данной позиции не видно.

С Украиной все иначе и сложнее. Прямого территориального конфликта у нее с Россией нет, однако существует потенциальный, причем не только из-за Крыма, но и ряда других южных и восточных регионов, население которых в большинстве своем исторически идентифицирует себя с русскими и явно симпатизирует России. Данный общеизвестный факт является источником серьезного беспокойства для национально ориентированной политической элиты Украины, с одной стороны занятой поисками общеукраинской идентичности с целью предотвращения вероятного раскола общества и, не исключено, также и страны, а с другой – стремящейся к обретению Украиной полной независимости от Москвы в вопросах если не глобальной, то хотя бы европейской политики, и превращению ее в самостоятельного геополитического игрока.^{7,8}

Этим объясняются и языковая политика Киева, и его стремление в НАТО, и перманентные газовые конфликты с Россией, и демарши в отношении российского черноморского флота, и попытки расколоть украинскую православную церковь, и многое другое, что так раздражает Россию.

Впрочем, на постсоветском пространстве проблемы для России регулярно создают и другие молодые государства, чьи экономические и политические

² Олкотт, М. “Политика США на Южном Кавказе”, *The Quarterly Journal*, Vol I, N 3, Июль 2002.

³ Скаков, А. “Россия и страны Южного Кавказа: 2004”, *The Caucasus Yearbook*, Yerevan Caucasus Media Institute 2006, стр. 146-181.

⁴ Наумкин, В. “Российская политика на Южном Кавказе”, *The Quarterly Journal*, Vol I, N 3, Июль 2002, стр. 43-50.

⁵ Александров, М. “Перспективы урегулирования Грузино-Абхазского и Грузино-Осетинского конфликтов”, *Caucasus without conflicts and terrorism: dialog of civilizations in Caucasian Crossroads*, Yerevan 2007, стр. 112-120.

⁶ Панарин, И. “Доктрина новой ЕвроАзии (От Парижа до Пекина, от Москвы до Дели и Тегерана) – стабильность Центральной Азии”, *Мировой Общественный форум, “Диалог цивилизаций”* // Вестник, № 1/2006, стр. 288-296.

⁷ Аршев, А. “Официальный Киев пытается активно играть на 04, 2009, Stable URL: <http://www.stoletie.ru> (accessed April 10, 2009). постсоветском пространстве”, Апрель

⁸ Маркедонов, С. “Постсоветские задачи для нового президента”, Июнь 10, 2008, Stable URL: <http://www.polit.ru/analytics/2008/06/10> (accessed June 29, 2008).

интересы входят в противоречие с российскими. Еще в конце 90-х бывший пожизненный президент Туркменистана Туркменбаши (Ниязов) отклонил требование России продавать весь добываемый в его стране газ российскому Газпрому, и стал самостоятельно распоряжаться национальным богатством. Линию эту продолжил его преемник Бердымухаммедов, который весной 2008г. отказался принять руководителя “Газпрома” Алексея Миллера, приехавшего в Ашхабад с явной целью вернуть туркменский газ в российские газопроводы. Более того, в настоящее время наблюдается потепление в азербайджано-туркменских отношениях, что свидетельствует о намерении Туркменистана транспортировать свой газ в Турцию и далее в Европу транзитом через Азербайджан и Грузию.

Слабеют позиции России и в других государствах Центральной Азии. Причина – неспособность ее, как в прежние годы, улаживать пограничные споры и проблемы распределения водных ресурсов (главным образом в Ферганской долине) путем оказания жесткого давления на правящие в Кыргызстане, Узбекистане и Таджикистане режимы. Даже эффективная помощь, оказанная в 2006 году российскими спецслужбами режиму Каримова (подавление мятежа в Андижане) не остановила начавшийся еще в начале 90-х процесс охлаждения отношений между Россией и Узбекистаном.

Даже президент Таджикистана Рахмонов, которого в середине 90-х привела к власти Москва и поддерживала экономически и политически все эти годы, предпринял в начале 2009 года антироссийский демарш, заявив о готовности создать на территории своей страны плацдарм для задействованных в Афганистане войск НАТО.

Единственным за последние годы политическим успехом России в Центральной Азии можно считать лояльность Кыргызстана, который в весной 2009г. закрыл авиабазу США близ Бишкека. Однако достался он в буквальном смысле дорогой ценой: общий объем предоставленных Россией Кыргызстану в феврале 2009г. безвозмездной экономической помощи, льготных кредитов, инвестиций составил более 2 миллиардов долларов США.⁹

Под предлогом оказания экономической помощи в условиях мирового финансового кризиса Россия выделила дополнительный кредит также и Белоруссии в размере 3,3 миллиарда долларов¹⁰, но и в этом шаге совершенно очевидна политическая цель. (Как и применительно к Болгарии).

Дело в том, что в конце 2008 – начале 2009г.г. наметилась тенденция к примирению между Евросоюзом и Белоруссией. Первый осознал, что не в силах сменить политический режим А. Лукашенко, и предпринял определенные шаги к сотрудничеству с ним.¹¹ Минск, в свою очередь, пришел к выводу, что в экономическом плане много теряет из-за одновекторности своей внешней политики – несмотря на то, что согласно российским источникам, общий объем финансовых и ресурсных вливаний России в экономику Белоруссии составил за период 1995-2008г.г. 52 миллиарда долларов.¹²

⁹ Мигунов, Д. “Малый СЕВ”, Февраль 05, 2009, Stable URL: <http://www.lenta.ru/articles/2009/02/05> (accessed Octobet 05, 2009).

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ Неменский, О., Суздальцев, А. “Куда идет Минск? Геополитические маневры Белоруссии”, Апрель 14, 2009, Stable URL: <http://www.stoletie.ru> (accessed April 21, 2009).

¹² *Ibid.*

Перспектива потерять единственного на постсоветском пространстве (не считая Армению) геополитического союзника не может не тревожить российскую политическую элиту.¹³

Все больше сложностей возникает в последние годы у Москвы в отношениях также с Арменией. Еще два года назад российские политики (в частности, спикер Госдумы РФ Б. Грызлов) без колебаний называли эту страну “форпостом” России и ее стратегическим партнером. И для этого были веские основания: высокая степень зависимости ее экономики, обороноспособности (в первую очередь связанных с карабахской проблемой) от России, наличие на ее территории крупной российской военной базы и т.д.

Вместе с тем, руководство Армении все более стремится проводить впредь сбалансированную внешнюю политику, отвечающую собственным экономическим и политическим интересам: с 2006г. регулярно направляет в Ирак своих миротворцев, летом 2008-го отказалось осудить “агрессию” Тбилиси против Южной Осетии, до последнего момента не отказывалось принять участие в учениях НАТО на территории Грузии в мае 2009г., углубляет сотрудничество с Ираном в энергетической сфере, декларирует готовность нормализовать отношения с Турцией.

Итак, на протяжении последних пяти-шести лет (начиная с 2002-2003г.г.) на постсоветском пространстве нарастают серьезные геополитические и экономические противоречия между Россией и остальными членами Содружества. Результатом стало очевидное ослабление влияния России на своих соседей на западе, востоке и юге. Более того, наиболее крупные члены СНГ, как Казахстан, Украина и отчасти Белоруссия стали все чаще бросать вызов геополитическому диктату России, стремясь обрести полную свободу действий в отношении в первую очередь с объединенной Европой и США.

Другие - а именно Грузия, Азербайджан, Молдова – откровенно пытаются отказаться (или уже отказались, как Грузия) от миротворческих “услуг” России, последовательно выстраивая новую стратегию в отношении межэтнических конфликтов взамен прежней, основанной на выгодном для Москвы принципе сохранения сложившегося к середине 90-х годов “status quo”. В случае с Азербайджаном его недоверие к России усугубляется экономическими противоречиями, связанными с маршрутами транспортировки каспийских нефти и газа на запад.

Однако с наибольшей остротой эта проблема стоит перед Туркменистаном, который не скрывает своего намерения стать основным поставщиком природного газа для Европы в рамках проекта “Nabucco”, что, конечно наталкивается на жесткое противодействие русских. Но и здесь (как ранее в связи с проектом нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан) Россия, “похоже, трепит стратегическое поражение”¹⁴

Европа по словам председателя Еврокомиссии Жозе Эмануэля Бароззу, твердо намерена “связать Туркмению с рынком Европейского союза через Южный Кавказ”¹⁵

¹³ Маркедонов, С. “Прагматика против ностальгии”, Июнь 18, 2008, Stable URL: <http://www.polit.ru/author/2008/06/18> (accessed August 25, 2008).

¹⁴ Демягин, М. *Независимая Газета*, Апрель 27, 2009.

¹⁵ *Ibid.*

Другой серьезный повод для недовольства действиями России на постсоветском пространстве – это ее стремление контролировать внутривнутриполитическую ситуацию в странах Содружества.

С одной стороны Москва без всяких колебаний поддерживает правящие в Азербайджане, Узбекистане, Молдове, Таджикистане, Кыргызстане, Казахстане правящие режимы, закрывая глаза на происходящие в этих государствах грубейшие нарушения демократии и прав человека. При этом, руководствуясь девизом “нам не нужны новые цветные революции”, она абсолютно игнорирует местную оппозицию, что не может не возмущать общественность данных стран. Показательно, что даже в Армении, население которой традиционно лояльно по отношению к России, по результатам опроса (2008г.) Gallup Organization 62% граждан дали негативную оценку российской внешней политике¹⁶ (polit.ru/analytics/2008/06/10/sammit).

С другой стороны, Россия пытается оказывать всяческое давление (политическое, экономическое, идеологическое) на те постсоветские государства, в которых у власти находятся политические силы и лидеры, стремящиеся проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику. (В российском понимании таковая часто равнозначна “антироссийской”).

Между тем, по справедливому замечанию аналитика Александра Скакова, именно неумение Москвы проследить политические события в той или иной стране и предвидеть их последствия, а также нежелание контактировать с оппозицией, сделали “цветные” революции в Грузии и Украине совершенно неожиданными для нее. И, как следствие, привели к серьезному ослаблению позиций России в этих государствах, а в отношении Грузии впоследствии – к полному провалу ее политики¹⁷.

Главная же ошибка России, по мнению многих аналитиков – это ее отношение к постсоветскому пространству как к полю геополитического сражения между РФ и Западом. Подобный подход, естественно, не отвечает реалистической парадигме, которая на постсоветском пространстве приходит на смену ностальгии и патернализму. Россия сможет реализовать свое стремление к лидерству в постсоветском пространстве только в том случае, если согласится: интересы ее партнеров могут очень часто не совпадать с ее геополитическими интересами, и главное – не доводить эти несовпадения до глубоких противоречий¹⁸.

Иными словами, “Россия может эффективно отстаивать свои национальные интересы, если будет учитывать чужие”¹⁹.

¹⁶ Июнь 10, 2008, Stable URL: <http://www.polit.ru/analytics/2008/06/10/> (accessed August 11, 2008).

¹⁷ Скаков, А. “Россия и страны Южного Кавказа: 2004”, *The Caucasus Yearbook*, Yerevan Caucasus Media Institute 2006, стр. 146-181.

¹⁸ Тренин, Д. “Непрактичный прагматизм”, Март 23, 2009, Stable URL: <http://www.polit.ru/research/2009/03/23/> (accessed September 19, 2009).

¹⁹ “Независимая газета”, Март 26, 2009.